

РОЖДЕНИЕ ТЕРРОРА ВО ФРАНЦИИ: ПОИСК ИСТИНЫ И ПРАВОВЫХ АЛЬТЕРНАТИВ

Рассмотрен процесс зарождения террора во Франции в конце XVIII в., определена его политическая и правовая природа. Особое внимание уделено организационным вопросам правового закрепления террористического режима и признакам его реализации. Исследована французская модель криминализации терроризма, проведен анализ нормативных правовых актов, устанавливавших специальные процедуры применения методов террора в отношении отдельных категорий граждан. Предпринята попытка определения правовых альтернатив террористическому режиму и нивелирования его негативных последствий.

Ключевые слова: террор; якобинский террор; революция; государственный режим; террористический режим; французская модель криминализации терроризма.

Любое государство, впервые в своей истории сталкиваясь с проблемой признания террора и выделения терроризма в качестве самостоятельного состава преступления, формировало свое национальное законодательство с учетом действующих правовых традиций и специфики юридической техники. Законодатель каждой страны по-разному оценивал проблему терроризма, определял пути ее разрешения и, соответственно, формировал антитеррористическое законодательство. Оценка и последующий учет успешных и неудачных зарубежных правовых решений дают возможность объективировать исследовательский подход к изучению института противодействия террористической деятельности в период ее появления в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.).

В этой связи большое значение имеет анализ исторического опыта конструирования зарубежных правовых моделей формирования террористического режима и последующего противодействия ему. Прежде всего, следует обратить внимание на опыт Франции. Фактически зародившись в конце XVIII в. в качестве средства решения политических задач, за непродолжительное время французский террор оформился в совершенно обособленное устойчивое явление, которое довольно быстро нашло своих сторонников во многих странах мира. Безусловно, этому способствовал успех якобинского террора во Франции, а именно его фактическое провозглашение в качестве правящего государственного режима. В структурном отношении террористический режим во Франции наиболее наглядно показан Е.М. Мягковой, которая представила его в виде классической триады «террорист – жертва – объект, где государство (террорист) наносит удар по определенной части населения (жертва), чтобы запугать весь народ (объект) и предупредить его нежелательные выступления» [1. С. 52]. При этом нужно понимать, что современное понимание терроризма в категориальном плане никаким образом не может быть соотносено с якобинским террором.

Существуют различные точки зрения по вопросу авторской принадлежности террора и его идей. По мнению А. Парри, первым идеологом французского террора являлся Дантон, который сформулировал его основные начала и задачи [2]. Сущность террора как явления раскрывались во многих определениях, которые, как правило, основывались на авторской интерпретации отдельных форм насилия. Большинство та-

ковых определений обладали ярко выраженными консолидирующими свойствами, которые наиболее полно отражены в трактовке понимания этого термина П. Генифе. По его мнению, основным отличием террора от иных форм насилия является его рациональная, осознанная природа и направленность на достижение определенного эффекта, а задачей – уничтожение без остатка всех, кто для него являются одновременно и жертвами, и целью [3. С. 19].

Нормативное закрепление во Франции террор впервые получил сразу в нескольких правовых источниках: в декрете от 26 февраля 1794 г., декрете от 3 марта 1794 г., законе от 10 июня 1794 г., однако наиболее полно и содержательно французское понимание террора оформилось лишь к концу диктатуры якобинцев [4]. Следует отметить, что термин «террор» упоминался еще 25 декабря 1793 г. в докладе «О принципах революционного правительства», сделанном Робеспьером от имени Комитета общественного спасения. В нем в опосредованной форме был отражен основной принцип реализации террора, согласно которому «революционное правительство должно приближаться к обычным нормам поведения во всех случаях, когда они могут быть строго применены без нарушения общественной свободы. ... Чем большая суровость вызывается окружающими его обстоятельствами, тем больше оно должно воздерживаться от применения тех мер, которые бесполезно стесняют свободу и нарушают интересы частных лиц без всякой пользы для общества» [5. С. 42]. Фактически революционеры стремились если не в правовой, то в общесоциальной форме оправдать необходимость применения террора в государстве.

Следует отметить, что правовое закрепление террористического режима во Франции в конце XVIII в. осуществлялось довольно уверенно и последовательно. Изначально решались организационные, а впоследствии процедурные вопросы его применения. Прежде всего, в стране были созданы особые органы, обладавшие соответствующими полномочиями по реализации мер террора. В числе первых правовых актов организационного характера по данной проблематике, конечно, следует выделить принятый 2 октября 1792 г. декрет Конвента, учредивший Комитет общественной безопасности. 10 марта 1793 г. Конвент принял декрет, на основании которого во Франции создавался Чрезвычайный уголовный трибунал, предметом ведения которого стали все контрреволюционные

дела [6. С. 210]. К числу подобных органов следует также отнести Комитет общественного спасения, учрежденный декретом Конвента от 6 апреля 1793 г. [5]. Вышеперечисленные органы стали главными революционными структурами по реализации террористического режима во Франции в конце XVIII в.

За непродолжительный период всего в 2–3 года в республике был создан достаточно внушительный массив нормативных правовых актов, в той или иной мере установивших специальные процедуры применения методов террора в отношении отдельных категорий граждан. Прежде всего, в него входили законы о печати. Так, 29 марта 1793 г. Конвентом был издан декрет «О противоправительственной печати», согласно которому любое лицо, уличенное «в составлении или издании работ и статей, призывающих к роспуску собрания национальных представителей, к восстановлению королевской власти или какой-либо другой, посягающей на народный суверенитет, предается суду Революционного Трибунала и карается смертью» [7. С. 172]. В течение 1792–1793 гг. революционными органами Франции были приняты сразу несколько правовых документов, которые запрещали издание, чтение и распространение целого ряда периодических изданий «как подрывающие истинные принципы в области политики... как клонящиеся к извращению общественного мнения; как пагубные для равенства, которое является единственной прочной базой общественной и индивидуальной свободы» [8. С. 444–445].

Примечательно, что в процессе формирования террористического режима французские революционеры довольно активно использовали негласные методы выявления социально-политических настроений в обществе. В частности, 15 апреля 1793 г. было принято Постановление Комитета общественного спасения «О рассылке по Департаментам тайных агентов для наблюдения за общественным мнением», согласно которому главной обязанностью этих агентов являлось сообщение сведений «об истинном состоянии общественного мнения в департаментах, в войсках, в администрации, трибуналах, народных обществах, деревнях и городах... о состоянии продовольствия, земледелия, торговли, мануфактур и всего, что касается благоденствия и безопасности Республики» [7. С. 175]. В дополнение к этому правовому акту в короткие сроки были приняты сразу несколько нормативных документов организационно-управленческого характера. Прежде всего, к ним относились Постановление Временного Исполнительного Совета «О секретных агентах» от 3 мая 1793 г., определяющее порядок организационного оформления института секретного осведомления, а также Инструкция «Об обязанностях секретных агентов в Париже», изданная в мае 1793 г. и детальным образом конкретизировавшая их задачи [9. С. 2–4, 17–18]. Особенность законодательной конструкции этих правовых актов заключалась в открытом нормировании специальных методов регулирования общественных отношений, которые в силу своей специфики должны носить негласный ведомственный характер и не становиться достоянием общественности.

Отдельное внимание следует уделить комплексу нормативных правовых актов, который в литературе

принято называть законами о подозрительных. Первым из них являлся декрет Конвента от 26 марта 1793 г., приказывавший произвести разоружение подозрительных [5. С. 115–116]. В этом документе были перечислены лица, которые в обязательном порядке под угрозой наказания должны быть разоружены, а оружие передано в распоряжение Республики. Пункт 5 декрета непосредственно объявлял подозрительными граждан перечисленных категорий, подлежащих разоружению, относя к ним священников, бывших дворян и сеньоров, не состоявших на службе в армии и не занимавших гражданские или военные общественные должности, а также «служащих и прислугу бывших дворян, сеньоров и священников» [Там же. С. 116]. Через несколько месяцев, а именно 12 августа 1793 г., французский законодатель в лице Конвента принял декрет, предписывавший арестовать всех подозрительных лиц независимо от их участия в общественной или политической жизни [7. С. 184]. Однако наибольшее значение в определении объектов террора имел декрет Конвента «О подозрительных» от 17 сентября 1793 г., который не только повторно их криминализировал, но и существенным образом расширил контингент лиц, подпадавших под новое для Франции правовое понятие [5. С. 117–118]. В числе прочих к категории подозрительных относились «те, кто своим поведением или связями, речами или сочинениями проявили себя как сторонники тирании, феодализма и враги свободы» [Там же. С. 118]. Кроме того, важным революционным параметром разграничения граждан являлось введение нового документа, удостоверяющего личность – свидетельства о благонадежности, наличие которого становилось одним из главных оснований, доказывавшим свое позитивное отношение к новой власти.

13 марта 1794 г. Конвент принял новый декрет, существенно расширивший перечень объектов террористического режима и виды применяемых к ним мер, вплоть до смертной казни [7. С. 277]. К высшей мере наказания, в первую очередь, привлекались лица, каким-либо образом препятствовавшие деятельности революционного республиканского правительства в целом и Национального Конвента в частности. Также нельзя не отметить нормативное закрепление важного революционного принципа – обязанности любого гражданина «доносить на заговорщиков и лиц, поставленных вне закона, если он знает место, где они находятся» [5. С. 120]. Кроме того, декрет учреждал новый судебный орган – народные комиссии, в обязанность которых входило осуществление быстрого правосудия над врагами республики, находящимися в тюрьмах. Всего во Франции было учреждено шесть таких комиссий, причем организационно-правовые основы деятельности одновременно с их созданием не были установлены: требовалось время для их определения и последующего нормативного закрепления. Этой сложной работой занялись сразу два революционных органа – Комитет общественной безопасности и Комитет общественного спасения.

Необходимо также отметить, что уже к началу 1794 г. методы террора стали применяться не только к врагам революции и подозрительным, но и к отдельным революционерам, прежде всего к эбертистам и

дантонистам. Фактически выступая за усиление террора и ужесточение контрреволюционных мер, эбертисты во главе с их лидером Ж. Эбером в конце концов стали жертвами этого же террора. Дантонисты и их лидер Ж. Дантон, в целом признавая необходимость применения террора, но в значительно меньших масштабах, также были уничтожены.

Таким образом, рассмотренный уникальный в своем роде правовой массив фактически закрепил факт реализации мер социального террора со стороны политической силы, провозгласившей себя новой формой политико-правовой организации французского общества. Террор парадоксальным образом обладал консолидирующими свойствами: насилие являлось эффективным способом создания и политического, и пространственного единства, располагающим действенными элементами саморегуляции [10. С. 86–96].

Поиск правовой альтернативы действовавшему до революционных преобразований порядку государственного управления постепенно привел лидеров новой власти к необходимости установления в государстве именно террористического режима. При этом многие революционные деятели осознавали необходимость внесения изменений не только в частно- и публично-правовую сферы жизни общества, но и в структуру государственности как таковой: в процесс организации высшей политической власти, установления способов и методов осуществления этой власти, а также распределения суверенитета между составными частями государства.

Так, 16 апреля 1794 г. на заседании Конвента был заслушан доклад Сен Жюста, посвященный социально-политическому положению республики и необходимости установления строгих полицейских мер. В числе прочих вопросов в докладе были отражены негативные аспекты существования федерализма во Франции. По его мнению, главной задачей федерализма являлось разобщение государства на части по интересам и последующее исчезновение Франции как государства. В этой связи Сен Жюст призвал членов Конвента к необходимости подавления федерализма «мерами строгой полиции и призывом к порядку всех властей, всех должностных лиц» [11. С. 222]. В результате 16 апреля 1794 г. Конвент принял закон «Об общей полиции Республики», который хоть и не решил проблему федерализма, но в дополнение к уже действующим законам ввел ряд новых мер по обеспечению общественного порядка во Франции [7. С. 291]. Существенным образом было конкретизировано правовое положение иностранных граждан в республике, большая часть которых объявлялась вне закона. Примечательно, что настоящий закон также устанавливал новый вид наказания – ссылку в Гвиану, которая должна была применяться народными комиссиями в отношении любых лиц, уличенных в «жалобах на революцию». Следует отметить, что принятие подобного закона не являлось исключительным случаем. В течение 1793 г. во Франции было принято несколько подобных декретов, объявлявших вне закона отдельные категории граждан: аристократов, эмигрантов, французов, согласившихся занимать общественную должность на завоеванных территориях, а также свя-

щенников, уличенных в оказании помощи внешним врагам [5]. Применение террора при этом объяснялось необходимостью выполнения революционного долга перед народом и соблюдения принципа справедливости. В некоторых случаях террор представлялся вынужденной мерой, которая по своей сути подпадает под современную правовую категорию «крайняя необходимость». Именно в этот период представители новой власти действительно серьезно стали задумываться о его надобности только в исключительных случаях, о выверенном и аккуратном применении и возможных вариантах сочетания с иными революционными методами, а также способах интеграции последствий применения террора в новое политико-правовое пространство. Однако это не помешало принять 10 июня 1794 г. декрет, учреждавший Революционный трибунал с широкими полномочиями в отношении врагов французского народа [12. С. 359–362]. Помимо нормативного закрепления категорий лиц, относившихся к врагам народа, следует обратить внимание на характер содержавшихся в ст. 8 этого декрета норм, частично определявших отдельные элементы революционного уголовного процесса того периода. В частности, определялся уровень достаточности доказательств для объявления лица врагом народа и последующего его привлечения к смертной казни: «всевозможные документы – моральные, вещественные, устные и письменные, естественные, вызывающие уверенность всякого справедливого и просвещенного ума» [Там же. С. 360]. Процесс судопроизводства, осуществляемый революционным трибуналом, по замыслу законодателя должен состоять «из простых мер, диктуемых здравым смыслом для того, чтобы добиться истины, придерживаясь при этом указанных законом форм» [Там же. С. 361].

Вообще французская модель криминализации терроризма по-настоящему серьезно начала организационно оформляться именно в постреволюционный период, когда террор становился не средством достижения политических интересов, а источником опасности для власти. Еще в период революционных преобразований проблема избавления от террористических методов беспокоила французских революционеров. Так, политический план Робеспьера по мере приближения к непосредственным революционным действиям становился недейственным «как только Робеспьеру пришлось отвечать на незаданный вопрос: что делать с террором, с той системой революционной власти, которая возникла именно благодаря успеху этого плана?» [13. С. 50]. Наиболее ярко определил последствия террора П. Генифе, согласно которому в результате его применения общество получило «опустевшее поле боя двух непримиримых армий... Битва закончилась гибелью сражавшихся, и на развалины опустилась тишина» [3. С. 8]. Выход из террора как системы власти, представлявший собой достаточно длительный процесс обретения качественно нового, ранее не известного опыта, определял целый ряд сложных политико-правовых проблем, которые в обязательном порядке было необходимо решать. Главная из них – юридическое и институционально-структурное наследие, требующее, с одной стороны, определения и по-

следующей ликвидации так называемых террористических законов и структур, а с другой – сохранения колоритных элементов революционного правосудия. Одним из первых преобразований в этом направлении являлась реорганизация Революционного трибунала, который сохранил за собой право рассматривать лишь контрреволюционные преступления, в то время как иные правонарушения были отнесены к области обычного уголовного правосудия. При этом Революционный трибунал фактически предоставлял обвиняемым определенные гарантии законности и соблюдения юридической процедуры [14. С. 260–274].

Существенный сдвиг в общественно-политическом сознании произошел 27 июля 1794 г. во время государственного переворота. Помимо всей важности его последствий, а именно смены вектора революционного развития, отстранения от власти якобинцев и применения по отношению к ним созданного ими же самими революционного террора, следует отметить появление нового признака террористической деятельности, который впоследствии найдет свое повсеместное проявление. Террор стал одним из наиболее эффективных средств политической борьбы, главным инструментом реализации высшей политической власти во Франции. Именно по этой причине террор в очень короткие сроки получил распространение во многих странах, в том числе и в России. Также имеет большое значение тот факт, что уже в период своего зарождения главным оправданием применения террора были избраны морально-этические аспекты регуляции отношений во французском обществе. Например, М. Робеспьер определял террор как «эманацию добродетели... не столько частное начало, сколько следствие общего принципа демократии, примененного к насущнейшим нуждам отечества» [15. С. 289]. Фактически подобный подход являлся единственно верным и наименее противоречивым из всех существовавших. Как ни парадоксально, но имевшиеся во французской революционной среде политические усмотрения были основаны на идеях гражданского и юридического равенства, которые путем применения террора должны были установить такую высшую государственную власть, которая могла реализовывать интересы народа, им создаваться и им же управляться. Проблема нормирования террора в условиях достижения подобных целей была одной из наиболее трудных: процедура провозглашения прав и свобод человека в качестве главной ценности никоим образом не соотносилась с непосредственным применением террора для достижения таковых ценностей. Кроме того, совпадение социального и политического в едином «теле» революции при переходе от идеи к практике привело к появлению уникального феномена, успешно сочетавшегося с террором, – исключительного равнодушия, а иногда и ненависти к правам отдельного человека. Этот аспект довольно подробно освещен в труде П. Генифе «Французская революция и Террор» [16. С. 68–87].

Другим, не менее важным аспектом реализации террористического режима во Франции, который проявился практически сразу после начала применения террора, являлся признак противодействия, заключа-

ющийся в обязательном наличии образа врага, для борьбы с которым террор и необходим. Можно провести аналогию с характером применения террора в России в 80-х гг. XIX в. после убийства Александра II и найти существенное количество совпадений [17. С. 123–128]. Только при существовании врагов революции, заговоров, подпольных ячеек и т.п. можно вполне легально использовать террор в качестве исключительного средства устранения угрозы власти и оправдать его применение. Так, по мнению П. Генифе, именно в существовании угрозы «революционный разум, убежденный в собственной правоте и всеисилии, находил удобный ответ на ту непостижимую для себя загадку, каковой для него являлось сопротивление... Откуда все время... возникают новые препятствия, новые трудности, если не из-за происков врагов» [3. С. 18].

Примечательно, что для власти с точки зрения обращения к террору не имело существенного значения, являлся этот образ реальным или фантомным: применение исключительных методов дестабилизировало политическую и правовую системы в государстве, нивелируя характер относимости между основополагающими сущностями (добром и злом, дозволениями и запретами) и подменяя содержание социальных ценностей. В таком случае несвоевременный отказ от террора может привести к неблагоприятным для государства последствиям: искажению правосознания представителей высшей политической власти в государстве и организации революционной борьбы ради самой борьбы. Наступающие политические последствия такой деятельности становятся исключительно факультативными. Однако не следует забывать о последствиях социальных: проблемно-объектовая концепция «террор – заговорщик» позволила конституировать французское общество путем материализации конкретной идеи и консолидации в рамках нее всего общества. Следует согласиться с мнением П. Генифе, который считал, что самоидентификация французской нации произошла путем отсечения части социального организма, обновления общества за счет исключения из него части его членов [16. С. 82].

Процесс рождения террора во Франции и последующий поиск возможных правовых альтернатив этому инструменту политического давления постоянно вынуждали представителей революционного движения в России периода второй половины XIX – начала XX в. регулярно проводить аналогию между историческим опытом Франции конца XVIII в. и собственными убеждениями. Примечательно, что отдельные французские революционные последствия влияли на российскую революционно-террористическую среду не всегда позитивно. В условиях наличия качественно иной социальной системы образов в России появлялись сомнения в необходимости избрания подобного пути, применения методов насилия и террора, а также в специфике формирования нового политического курса и распределения властных полномочий. В начале XX в. в дореволюционной, а впоследствии и в Советской России данная аналогия в тех или иных формах и объемах также проводилась руководителями революционных сил: французский

опыт представлялся иногда в качестве начального, иногда переходного или даже упаднического состояния революции [13]. Главное, не учитывать этот опыт при исследовании процессов формирования террора в России не представлялось возможным.

Таким образом, сохранение легитимности государственной власти, зародившейся в революционном пространстве, использовавшем террор в качестве средства достижения этой власти, представлялось сложнейшей

задачей для французских революционеров, которая разрушала все существовавшие в тот период идеологические программы. Последующий отказ от террора должен быть нормированным и находиться исключительно в правовом пространстве. Вопрос о том, каким образом этого добиться без искажения социальных ценностей, без формирования латентных рисков и кризисных элементов в политико-правовой системе государства, до сих пор остается открытым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мягкова Е.М. Террор и насилие во Французской революции (опыт регионального прочтения) // Европа. 2005. № 5. С. 52–64.
2. Parry A. Terrorism: From Robespierre to the Weather Underground. New York : Dover Publications, 2006. 656 p.
3. Генифе П. Политика революционного террора, 1789–1794 / пер. с фр. ; под ред. А.В. Чудинова. М. : УРСС, 2003. 320 с.
4. Gueniffey P. Histoires de la Révolution et de l'Empire. Paris : Éditions Perrin, 2013. 744 p.
5. Революционное правительство во Франции в эпоху Конвента 1792–1794 гг. : сб. док. и материалов / под ред. Н.М. Лукина. М., 1927. 696 с.
6. Документы истории Великой Французской революции : в 2 т. / отв. ред. А.В. Адо. М. : Изд-во МГУ, 1990. Т. 1. 528 с.
7. Mautouchet P. Le gouvernement révolutionnaire (10 août 1792 – 4 brumaire an IV). Paris, 1912. 458 p.
8. Buzet et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française – ou, Journal des assemblées nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815. Paris, 1837. 528 p.
9. Caron P. Paris pendant la terreur. Rapports des agents secrets du Ministre de l'intérieur, publiés pour la Société d'histoire contemporaine (French Edition). Paris, 2011. Vol. I. 506 p.
10. Яцук Н.А. Эпоха террора 1793–1794 годов: обыденность, жестокость или очищение? // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2015. № 175. С. 86–96.
11. Gazette nationale ou le Moniteur Universel (reimpression, 1789–1799). Paris, 2012. Т. 20. 748 p.
12. Французская революция в документах, 1789–1794 / под ред. Я.М. Захера. Л. : Прибой, 1926. 379 с.
13. Бачко Б. Как выйти из террора? Термидор и революция / пер. с фр. и послесл. Д.Ю. Бовыкина. М. : BALTRUS, 2006. 348 с.
14. Walton H. Histoire du Tribunal révolutionnaire de Paris: avec le journal de ses actes. Paris, 2011. Vol. V. 476 p.
15. Серебрянская Е.З. Об эволюции мировоззрения М. Робеспьера // Из истории якобинской диктатуры : тр. межвуз. научн. конф. Одесса : Изд-во Одес. гос. ун-та, 1962. С. 263–316.
16. Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789–1799 гг.: итоги юбилея. М. : Едиториал УРСС, 2000. 264 с.
17. Колотков М.Б. Концептуальные основы идеологии терроризма в России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 123–128.

Статья представлена научной редакцией «Право» 21 марта 2017 г.

THE ORIGIN OF TERROR IN FRANCE: THE SEARCH FOR TRUTH AND LEGAL ALTERNATIVES

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 418, 208–213.

DOI: 10.17223/15617793/418/27

Mikhail B. Kolotkov, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: mkolotkov@yandex.ru

Keywords: terror; revolution; terrorist regime; French model of criminalization of terrorism.

This article is devoted to the study of the emergence of terror in France in the late eighteenth century, to the definition of its political and legal nature. Appearing in the late eighteenth century as the primary means of resolving political problems, French terror very quickly took shape as a sustainable phenomenon and found its supporters in many countries. Special attention is paid to the organizational issues of the \ legal status of the terrorist regime and the characteristics of its implementation. Terror first received a regulatory consolidation in France in several legal sources. These include the decree of February 26, 1794, the decree of March 3, 1794, the law of June 10, 1794. It is noteworthy that in the formation of the terrorist regime, the French revolutionaries rather actively used covert methods to identify the socio-political moods in the society. The French model of criminalization of terrorism and normative legal acts establishing special procedures for the application of methods of terror against certain categories of citizens are analyzed. An attempt to determine the legal alternatives to a terrorist regime and level its negative consequences is made. In the post-revolutionary period, terror was not a means of achieving political interests, but a source of danger for the authorities. In the period of the revolutionary transformation, the problem of terrorist methods troubled the French revolutionaries. The end of terror, which was a lengthy process of acquiring a qualitatively new, previously unknown knowledge, identified a number of complex political and legal issues which had to be resolved. Chief among them was the legal, institutional and structural heritage requiring, on the one hand, to identify and subsequently to liquidate the so-called “terrorist” laws and structures, on the other hand, to preserve the characteristic elements of the revolutionary justice. In the beginning, the main justification of the use of terror was the ethical aspects of regulation of relations in French society. Paradoxically, political views that existed in French revolutionary environment were based on the ideas of civil and legal equality, which through the use of terror were to establish a state authority able to implement the interests of the people, to be created and controlled by the people. The problem of normalization of terrorism in terms of achieving similar goals was one of the most difficult: the declaration of the rights and freedoms of the individual as the ultimate values was not correlated with the direct application of terror to achieve those values. In addition, the coincidence of the social and the political in a single “body” of the revolution in the transition from idea to practice led to the emergence of a unique phenomenon successfully combined with terror: remarkable indifference to and sometimes hatred of the rights of the individual.

REFERENCES

1. Myagkova, E.M. (2005) Terror i nasilie vo Frantsuzskoy revolyutsii (opyt regional'nogo prochteniya) [Terror and violence in the French Revolution (experience of regional interpretation)]. *Evropa*. 5. pp. 52–64.

2. Parry, A. (2006) *Terrorism: From Robespierre to the Weather Underground*. New York: Dover Publications.
3. Geniphe, P. (2003) *Politika revolyutsionnogo terrora, 1789–1794* [Policy of Revolutionary Terror, 1789–1794]. Translated from French. Moscow: URSS.
4. Gueniffey, P. (2013) *Histoires de la Révolution et de l'Empire* [Histories of the Revolution and the Empire]. Paris: Éditions Perrin.
5. Lukin, N.M. (ed.) (1927) *Revolutsionnoe pravitel'stvo vo Frantsii v epokhu Konventa 1792–1794 gg.: sbornik dokumentov i materialov* [Revolutionary government in France in the era of the Convention of 1792–1794: a collection of documents and materials]. Moscow: Communist Academy.
6. Ado, A.V. (ed.) (1990) *Dokumenty istorii Velikoy Frantsuzskoy revolyutsii: v 2 t.* [Documents of the history of the Great French Revolution: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Moscow State University.
7. Mautouchet, P. (1912) *Le gouvernement revolutionnaire (10 aout 1792 – 4 brumaire an IV)* [The Revolutionary Government (10 August 1792 – 4 Brumaire Year IV)]. Paris.
8. Buchez et Roux. (1837) *Histoire parlementaire de la Revolution francaise – ou, Journal des assemblees nationales, depuis 1789 jusqu'en 1815* [Parliamentary History of the French Revolution, or Journal of National Assemblies, from 1789 to 1815]. Paris.
9. Caron, P. (2011) *Paris pendant la terreur. Rapports des agents secrets du Ministre de l'interieur, publies pour la Societe d'histoire contemporaine* [Paris during the terror. Reports of the secret agents of the Minister of the Interior, published for the Society of Contemporary History]. (French Edition). Vol. I. Paris.
10. Yatsuk, N.A. (2015) Epokha terrora 1793–1794 godov: obydennost', zhestokost' ili ochishchenie? [The era of terror of 1793–1794: commonness, cruelty or purification?]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 175. pp. 86–96.
11. Anon. (2012) *Gazette nationale ou le Moniteur Universel* (reprint, 1789–1799). Vol. 20. Paris.
12. Zakher, Ya.M. (ed.) (1926) *Frantsuzskaya revolyutsiya v dokumentakh, 1789–1794* [The French Revolution in the documents, 1789–1794]. Leningrad: Priboy.
13. Bachko, B. (2006) *Kak vyyti iz terrora? Termidor i revolyutsiya* [How to get out of terror? Thermidor and revolution]. Translated from French by D.Yu. Bovykin. Moscow: BALTRUS.
14. Walton, H. (2011) *Histoire du Tribunal revolutionnaire de Paris: avec le journal de ses actes* [History of the Revolutionary Tribunal of Paris: with the journal of its acts]. Vol. V. Paris.
15. Serebryanskaya, E.Z. (1962) [On the evolution of the worldview of M. Robespierre]. *Iz istorii yakobinskoy diktatury* [From the history of the Jacobin dictatorship]. Proceedings of the interuniversity conference. Odessa: Odessa State University. pp. 263–316. (In Russian).
16. Chudinov, A.V. (ed.) (2000) *Frantsuzskiy ezhegodnik 2000: 200 let Frantsuzskoy revolyutsii 1789–1799 gg.: itogi yubileya* [French Yearbook 2000: 200 years of the French Revolution of 1789–1799: results of the anniversary]. Moscow: Editorial URSS.
17. Kolotkov, M.B. (2015) Conceptual foundations of the ideology of terrorism in Russia (second half of the 19th century – early 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 392. pp. 123–128. (In Russian).

Received: 21 March 2017